

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

ЭЛУЛ 5768 - ТИШРЕЙ 5769

ПЕТРОЗАВОДСК
N 122

СЕНТЯБРЬ 2008

Обзор общинной жизни за 5768 год

В канун нового года принято подводить итоги прошедшего, чтобы было понятно, с чем мы предстанем перед судом Вс-вышнего, да будет Имя Его благословенно, когда будет определяться судьба каждого на следующий год.

Этот год для нашей общины отмечен несколькими значимыми событиями: это, прежде всего, первый визит молодежи из Тюбингена. Это начинание, как мы надеемся, откроет новую страницу в наших отношениях, позволит молодым людям познакомиться друг с другом, наладить постоянные контакты, стать друзьями. Это очень важно, так как именно сегодняшней моло-

"Общинного вестника", перепечатываются журналами, другими газетами, или выходят отдельными изданиями.

Визит Б. Палмера

В прошедшем году продолжился межконфессиональный диалог в форме "Круглых столов", проводящийся по инициативе нашей общины. Прошло два заседания, посвященных иудаизму и исламу. Наша община принимает активное участие во всех мероприятиях, связанных с развитием толерантности, просветительской деятельностью, формированием сознания необходимости открытого общества. Участие в Региональной кон-

турной автономии (ФЕНКА), представляющей 39 автономий России, проходивших в Москве, в работе Генеральной Ассамблеи Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (ВКРЕ), которая прошла с 21 по 22 мая в Международном центре конгрессов "Биньяней ха-Ума" в Иерусалиме. Участие в столь престижных форумах - показатель признания активной деятельности нашей общины. Приятно отметить, что Председатель правительства РК Сергей Катанандов прислал приветствия делегатам IV съезда ФЕОР и Генеральной Ассамблеи ВКРЕ.

На IV съезде ФЕОР

Молодежь из Тюбингена

дежи завтра продолжать ту дружбу, которая завязалась между нашими общинами в 1995 году. В рамках визита Михаэль Фолькман и Дмитрий Цвибель представили общественности Петрозаводска книгу "Евреи Петрозаводска, христиане Тюбингена: история одной удивительной любви", вышедшую год назад в Тюбингене. Книга была передана в иностранный отдел Национальной библиотеки Республики Карелия. На презентации была высказана надежда, что книга будет переведена и издана также и в Петрозаводске к двадцатилетию побратимских связей между нашими городами, которое отмечается в 2009 году.

Важным событием стало и посещение общины обер-бург-майстром Тюбингена Борисом Палмером, в ходе своего первого официального визита в Петрозаводск, показавшего насколько немецкая сторона серьезно относится к нашим отношениям.

С. Катанандов и Б. Ятвецки

ференции "Межкультурный диалог: традиции, формы, практика в поликультурном образовательном пространстве Русского Севера", организованной Карельским государственным педагогическим университетом, Министерством Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями, Администрацией города Петрозаводска; в Гражданском форуме "Нравственный выбор" под эгидой Правительства Республики Карелия, который вел Глава РК Сергей Катанандов; в фестивале "Этнококтейль" посвященном 15-летию Центра национальных культур РК говорит само за себя.

Этот год - год шестидесятилетия Государства Израиль. В ознаменование этой даты прошли Дни Израйля и еврейской культуры "Израиль сегодня и навсегда" под эгидой Израильского культурного центра Санкт-Петербурга. Петрозаводск посетил Первый секретарь посольства Государства Израиль в РФ Болеслав Ятвецки. Израильского дипломата принял Глава Республики Карелия Сергей Катанандов. На состоявшейся беседе были затронуты вопросы сотрудничества между Республикой Карелия и Израилем в сфере культуры и туризма. Во время визита г-н Ятвецки встретился также с министром культуры Карелии Галиной Брун и первым заместителем министра РК по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями Еленой Антошко. Состоялась встреча и с еврейской молодежью, на которой Болеслав Ятвецки проинформировал о программах Израильского культурного центра Санкт-Петербурга, ответил на возникшие вопросы.

Ассамблея ВКРЕ

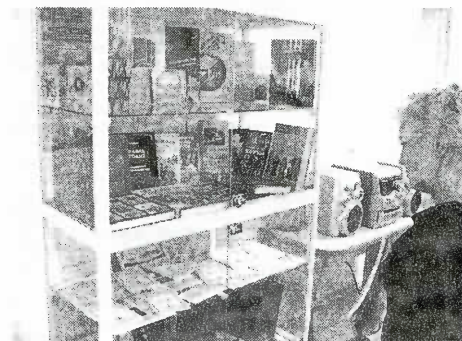
В этом году Хэсад Агамим отметил свое десятилетие. Появление Хэсада дало мощный импульс развитию общины, позволило на профессиональной основе выстраивать работу как социальных программ, так и культурных, явилось для многих хорошей школой общинной работы. Сейчас уже трудно представить нашу общину без Хэсада. Это показатель важности этой организации для дальнейшей жизнедеятельности общины, и поэтому необходимо преодолеть сложности, возникшие в связи с проблемами с помещением. Нам кажется, что в этом могут помочь как власти, так и состоятельные члены общины, как это и было на протяжении всей истории нашего народа.

Десятилетие отметила и газета "Общинный вестник", так же ставшая частью общинной жизни. Это тоже определенный этап, время оглянуться назад и подумать, что делать дальше. Приятно отметить, что некоторые материалы, написанные для

В Хэсаде (из архива газеты)

Председатель религиозной общины Дмитрий Цвибель принял участие в таких крупных мероприятиях, как IV съезд Федерации еврейских общин России, на котором были подведены итоги работы и намечены планы на будущее, в заседании расширенного совета Федеральной еврейской национально-куль-

На выставке

Члены нашей общины приняли участие в церемонии памяти жертв советских репрессий в урочище Сандармох, на которую собрались родственники убитых, представители властей, религиозные и общественные деятели, в том числе и из-за рубежа, пресса. В этом страшном месте уничтожены около семи тысяч невинных людей. Здесь поставлены памятники людям разных национальностей, в том числе и 193 евреям, чьи имена на сегодняшний день удалось установить.

Это лишь наиболее значимые события, но есть еще и повседневная жизнь общины, с ее проблемами, заботами, маленькими радостями. Пожелаем нашей общине процветания и благоволения Вс-вышнего, со всеми еврейскими общинами Земли.

БЕСЕДА 3. Хаим Нахман Бялик.

Сегодня в нашем радиосериале "Российские евреи - русские писатели" я поведу речь о Хаиме Нахмане Бялике, чье ярчайшее дарование во многом определило физиономию еврейской литературы в период ее расцвета на рубеже 19-20 веков. Корни творчества Бялика, уходя в глубокие пласты национальной культуры древности и средневековья, напитали живительными соками его самобытные стихи, поэмы, рассказы, статьи и сказки.

Хаим Нахман Бялик (1873-1934) родился в благочестивой и небожливой хасидской семье лесничего, и его ранние и самые светлые впечатления сформировались на лоне украинской природы. Однако в шестилетнем возрасте жизнь его резко перевернулась: отец умер, и немолодая уже мать (Бялик был ее сыном от второго, позднего брака) передала мальчика на воспитание деду с бабкой, в Житомир. Отрочество будущего поэта протекало в мрачном доме старого талмудиста-хабадника и в бейт-мидраше:

Вы помните? Бывало, бейт-а-мидраш
Оденет тьма: все разошлось давно,
И в тишине придела - я один.
На столічке передо мной лампада
Беспомощно и тускло полыхала,
В шкафу, среди книг, скрепялась упорно мышь,
В печи трещал последний уголек...
...Я забывал страдания у Гемарой,
За древними сказаньями у Неждоу,
И заплушал Псалмом свою заботу...

(Пер. В. Жаботинского)

Привольное детство - леса и поля, щебет птиц и таинственная озерная заводь - осталось где-то там, далеко от "черты оседлости" и закопченных стен. Биография будущего поэта была одновременно типичной и нетипичной для его поколения. Типичным было то, что он учился в прославленной Воложинской иешиве, а не типичным то, что иешива эта была литовская, и хасидов туда обычно не брали. Хаим Нахман выдержал шестичасовой экзамен двух суровых раввинов и был единогласно принят. Его фотографическая память оставляла ему свободное время, в которое он пытался самостоятельно освоить - в дополнение к идишу и ивриту - русский язык. Первой, прочтенной по-русски книжкой, были стихи Семена Григорьевича Фруга, чрезвычайно популярного в 80-е и 90-е годы 19 века русско-еврейского поэта. Слова Фруга: "Я - арфа золотая скорбей народной, / Я - эхо народных скорбей" прозвучали в душе 17-летнего пылкого юноши.

Воложинская иешива отнюдь не была башней из слоновой кости. Туа долетали извне отголоски публицистических диспутов, и именно в те годы кумиром Бялика раз и навсегда стал Ахад ха-Аом, утверждавший, что сохранение евреев как народа зависит, в первую очередь, от их культурного самоопределения. Страстное желание познать себя с Ахад ха-Аом побуждало Бялика пойти на обмен: слышавши на то, что ему необходимо навестить больного деда, он самовольно поехал в Одессу. В Одессе жили тогда многие еврейские писатели и просветители, такие как Менделей Мойшер-Сфори, Иошуа Хоне Равницкий, Ахад ха-Аом. Голубоглазый и румяный полноватый юноша в потертом лапсердаке и картузе, из-под которого свешивались светло-русые пейсы, вез в Одессу предмет своих надежд и сомнений - тонкую тетрадку написанных им на иврите стихов.

Его первое стихотворение, знаменитое "Птичке", увидело свет в начале 1892 года в солидном альманахе "Ха-Пардес" - наивные, но свежие и певучие строки. Как мы уже обсуждали в прежних беседах, с поэзией Бялика и его современника Шаула Черниковского в иврите впервые утвердилась силлабо-тоническая норма стихосложения, вытеснив прежние 11-ти и 13-сложники. Ахад ха-Аом оценил поэтическую одаренность молодого ешиботника.

Литературная слава пришла к Бялику быстро, а жизнь готовила испытания: смерть деда, безденежье, ранняя женитьба, учительство в глуши, неудачные попытки заняться коммерцией в лесоторговле теста и, наконец, - успешное партнерство в книгоиздательстве "Мория" в Одессе. Ивритские учебники, переводы Библии для детей, книжки для детского чтения расходились неплохо, и "Мория" могла себе позволить издавать также менее выгодные в коммерческом отношении книги - поэтические сборники, в частности самого Бялика, Черниковского и ряда других поэтов. Бялик сменил облик: пейсы и лапсердак исчезли; шелковатый светлый хостом и лихо заломленная шляпа летом, добротное пальто с меховым воротником и меховая шапка зимой, массивная трость - все должно было свидетельствовать о человеке чужом и молодом, но солидном, идущем в ногу со временем. Терпевший в детстве удивительную нужду, поэт всю жизнь мечтал добиться материального благополучия. Но тут грянула война, революция, и снова война.

В 1921 году группе еврейских писателей чудом удалось избраться из Советской России. Не было бы счастья, да несчастье помогло: непримиримая война Евсекици с "буржуазно-клерикальным", как они заявляли, ивритом объявила творчеством на этом языке вне закона. Но время репрессий еще не наступило, и после многодневного обивания всевозможных порогов в московских учреждениях, одесские ходатаи Хаим Нахман Бялик и молодой ивритский журналист Моше Клейнман получили разрешение на эмиграцию для 35 писательских семей. Бялик с женой (детей у них никогда не было) и несколькими ящичками шрифтов для типографского набора отправился в Берлин.

Цикл радиолекций "Российские евреи - ивритские писатели" Д-р Зоя Копельман (Иерусалим)

большой мир, а ближе к концу на одиночество сетует Шехина (Святыня, Б-г). Вот это стихотворение:

Всех их ветер умчал к свету, солнцу теплу,
Песня жизни взманила, нова, незнакома.
Я остался один, позабытый, в углу
Опустелого Божьего дома.

И мне чудилась дрожь чужих-то крыл в тишине,
Трепет раненых крыл позабытой Святыни,
И я знал, то трепещет она обо мне,
О последнем, единственном сыне...

Всюду изгнана, нет ей утла на земле,
Кроме старой и темной молитвенной школы, -
И забилась сюда, и делла я во мле
С ней приют невеселый.

И когда, истомив над строками глаза,
Я ткнулся к окошку, на свет из теницы, -
Она никла ко мне, и катилась слеза
На святые страницы.

Тихо плакала, тихо ласкалась ко мне,
Словно прача криво от какого-то рока:
"Всех их ветер унес, все в иной стороне,
Я одна... одинока..."

И в беззвучном рыданье, в упреке без слов,
В этой жгучей слезе от незримого взора
Был последний аккорд скорбной песни веков,
И мольба о пощаде, и страх приговора...

В спорах о путях новой еврейской литературы Хаим Нахман Бялик убежденно и резко отстаивал необходимость отбора и переиздания памятников национальной словесности. С утратой религиозного мировоззрения, предостерегал он, исчезнут из обихода старые книги, гордость интеллигентного и эстетического творчества народа. Трепетом и тревогой за судьбу еврейского духовного богатства были проникнуты его статьи и речи. Он сам показал пример деятельного воплощения своих призывов. Многолетняя, совместно с писателем Иошуа Хоне Равницким, работа по извлечению из талмудических текстов легенд и преданий, этических наставлений и аллегорий, рассказов о царях и мудрецах, историй о простых людях, то есть всего того, что на иврите зовется Агада, увенчался выпуском в 1909-1911 годах капитального труда "Книга Агады". Малые выдержки из этого собрания были опубликованы в русском переводе С. Г. Фруга в 1916 году в Одессе и репринтированы издвом Библиотека-Алия в Иерусалиме в наше время.

В годы Первой мировой войны в России, когда еврейское письмо было запрещено к употреблению - царская военная цензура не только останавливала выпуск книг и газет на идише и иврите, но и арестовывала частную переписку на этих языках, - Бялик писал свою знаменитую статью "Галаха и Агада". Он утверждал, что читая Агаду, мы узнаем, чего желал, как мыслит и чувствовал, к чему стремился душой еврейский народ. В пору, когда светская литература на иврите искала свои сюжеты и образы то в Библии, то в повседневности, Бялик призывал по-новому оценить сокровищницу национально-литературного памятника постбиблейской эпохи - Талмуд:

"Правда... повествовательный элемент почти совершенно отсутствует в нем. Он весь изобрателен: маленькие штрихи... маленькие обрывки мысли, чувства, действия. Тем не менее настоящая художник... тот, что погружается в народную душу и черпает вдохновение из ее бездонных глубин, из сокровенной жизни нации, - такой художник, несомненно, в состоянии создать нечто великое и из этого материала... Непременным условием является тут жизненное отношение человека к формам прошедшей жизни, и если кто-либо полагает одну из этих форм отжившей, то следует предварительно выяснить, не отжил ли он сам." (Перевод Л. Яффе).

Эти горячие слова прозвучали со страниц одесского альманаха "Кнесет" в 1917 году, а в 1923 Бялик начал публиковать отдельные сказки о царе Давиде и царя Соломоне в собственном изложении. Сейчас издательство "Гешарим" готовит к выпуску сказку о Соломоне и Асмодее в моем переводе.

Но Бялика волновало не только прошлое. В стихах и рассказах он умно и живописно запечатлел еврейский традиционный быт и вторжение перемен, поколебавшее казавшийся неизменным уклад. Проза Бялика насыщена сочным юмором, искрится солнечным светом, пленяет редкой для еврейского писателя витальностью. Открытый университет Израиля выпустил хрестоматию "Ивритская новелла начала 20 века" в русских переводах. Там есть и несколько замечательных рассказов Бялика.

Принимая во внимание чрезвычайную популярность в России книги "Стихов и поэм" Бялика в переводе В. Жаботинского, которая в 1911 году и до революции выдержала еще четыре переиздания, хочется сопоставить эти строки с ахматовскими от 1914-го года: "Тяжела ты, любовная память! / Мне в дыму твоём петь и гореть, / А другим - это только пламя, / Чтoby остывшую душу греть. // Чтoby греть преснищенное тело, / Им надобны слезы мои... / Для того ль я, Господи, пела, / Для того ль причастилась любви!"

(Продолжение. Начало в №№ 120, 121)

Нужно сказать, что в первую половину 20-х годов 20 века в Берлине образовалась большая русско-еврейская колония. Отчасти это было связано с дешевой, с курсом марки по отношению к рублю. Так, в Берлине печатал свою многотомную "Историю еврейского народа" Семен Маркович Дубнов, там недолгое время наблюдался настоящий бум издательского дела, в издательствах Зальцмана, Гржебина, Шнейра и др. переиздавались многие русские и русско-еврейские книги, выходили книги новые, как по-русски, так и на других языках. Бялик воспользовался ситуацией, чтобы выпустить по подписке подарочное собрание собственных сочинений, приуроченное к его 50-летию в 1923 году. Это издание - четыре роскошных тома с гравированными иллюстрациями - принесло ему долгожданный доход, и когда в 1924 году он, наконец, приехал в Палестину, у него были средства построить в Тель-Авиве большой особняк. Участок для строительства был выделен поэту на недавно проложенной улице его имени. Сегодня там находится его архив и дом-музей, где проводятся литературные мероприятия.

Завершая биографический очерк об этом втором, после уже знакомого нам Иегуды Лейба Гордона, еврейском "национальном поэте", хочется сказать, что в Тель-Авиве Бялик писал мало - он слишком был вовлечен в общественно-культурную жизнь нового ишува, в деятельность писательской организации, в издательские проблемы. На базе "Мория" он основал в Тель-Авиве издательство "Давир", т.е. "Храм", которое до сих пор имеет все права на его сочинения. Однако творческое молчание Бялика началось еще в России, и - как знать - возможно, с возрастом вообще иссякает родник поэтического вдохновения.

В последние годы Бялик часто болел. Он умер в Вене в 1934 году после операции (сердце не выдержало) и был похоронен на старом кладбище на улице Трумпельдора в Тель-Авиве. Там же девять лет спустя похоронили Шаула Черниковского, 1 февраля 2005 - замечательного израильского прозаика и киносценариста Эфрема Кишона.

Творчество Бялика однозначно связано с языком иврит. Правда, он писал стихи и на идише, а также перекладывал свои и чужие поэтические произведения с иврита на идиш с целью популяризации их среди других слоев читательской публики. Занимался он и переводами на иврит, в частности, переложив в своей неподражаемой манере с русского "Дон-Кихота Ламанчского" Сервантеса. Он именно перекладывал, а не переводил, потому что всегда вносил значимые изменения. Особенно ярким примером может служить его перевод на иврит драмы С. Ан-ского "Диббуц", постановка которой пропала в январе 1922 года в Москве легендарную "Табиму", - Бялик ввел туда стихи, песни, хор и вкоре изменил стилистический регистр пьесы.

Бялик писал рассказы, статьи, эссе и стихи для детей, но в народной памяти он в первую очередь остался поэтом. На срезе русской поэзии и еврейской Библии родился бляиковская фигура поэта-пророка, который глаголом жег и воспитывал еврейские сердца. Недаром одно из популярнейших его стихотворений, относящихся к так называемым "песням гнева", в русском переводе Жаботинского называлось "Глагол", т.е. "Слово". Трудно представить более горький пафос, чем тот, что прозвучал в начальных строках этого стихотворения:

Разбей твой алтарь и пламенный уголь, о пророк,
Швырни срьдь большой дороги -
Пусть жарят они на нем мясо, и варят горшок,
И греют руки и ноги.
И брось им искру из сердца - она пригодится
Зажигать окурок, что погас,
Озарять воровато-ухмыляющиеся лица
И злорадство прищуренных глаз...

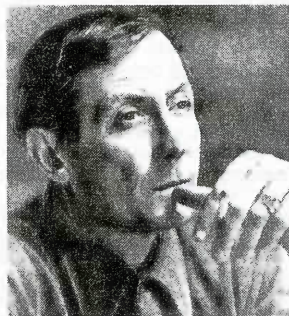
Такими видел поэт своих современников в 1904 году, когда умер Герцль, когда идея сионизма, казалось, потерпела крах, а они думали лишь о том, как бы прибавить к копейке копейку, - ни мечты, ни самопожертвования, ни мысли о достойном будущем.

Бялик в поэзии да Миха Йосеф Бердичевский в прозе, как никто, сумели выразить трагизм и боль неразрешимого конфликта в душе еврея между национальным и универсальным культурным самосознанием. Взять хоть знаменитое стихотворение "Я один" или "Я одна" (1902), названное в переводе Жаботинского "Последний". В этой легки поэт говорит о трагической культурной дилемме еврейского "национального возрождения": будучи светским, оно вышло в нашем книжном наследии лишь трамплин для движения вперед, вдогонку за мировой культурой, тогда как выросший в полумле молитвенной школы Бялик не мог смириться с тем, что Б-га беспощадно изгнали из новой еврейской культуры. Мне хочется прочесть это стихотворение целиком еще и из-за его удивительной композиции: сначала голос поэта жалуется на свое одиночество в бейт-мидраше, ученики которого оставили Ученые и ушли в

В этом номере мы начинаем публикацию главы из эссе Дмитрия Цвибеля "От Станции Зима к Бабьему Яру" (журнальный вариант), написанную в Иерусалиме в этом году. Работа посвящена еврейской теме в творчестве выдающегося русского поэта Евгения Евтушенко, выдвинутого Всемирным конгрессом русскоязычного еврейства на соискание Нобелевской премии по литературе за 2008 год.

Братская ГЭС

"Своеобразной стихотворной симфонией - "продолжением" Тринадцатой - явилась поэма "Братская ГЭС" - гигантская панорама России, мысли поэта о своей родине.

С редкой смелостью соединились в поэме картины разных эпох, людей прошлого и настоящего, неизвестные и великие - такой сложной, многосоставной композиции советская поэзия не знала. Указывая на прообраз поэмы, Евтушенко говорил:

"...на композицию всей поэмы "Братская ГЭС", построенную именно по принципу, казалось бы, несовместимого, я бы никогда не решился, если бы мне не придала смелости Тринадцатая симфония. Таким образом, Дмитрий Дмитриевич оказался крестным отцом этой поэмы".

Так пишет в своей книге-исследовании Софья Хентова "Пламя Бабьего Яра. Тринадцатая симфония Д.Д.Шостаковича".

Действительно в этой поэме Евтушенко поставил перед собой гигантскую задачу: вписать историю Советского Союза в общую историю России, создать современный эпос. Поэту удалось в поэме проследить соотношение "личность - история - государство - время". Он выстраивает поэму как диалог строящейся Братской ГЭС с египетской пирамидой, противопоставляет свободных строителей Братской ГЭС со строителями-рабами пирамиды, хотя нетрудно заметить, что многие строители ГЭС не такие уж свободные люди. И хотя энтузиазма им не занимать и они действительно считают Братскую ГЭС своим родным детищем, судьбы многих из них - это судьбы, искореженные советской эпохой. Такая форма позволяет поэту интерполировать свои мысли в прошлое, приписав их историческим персонажам своей поэмы, не боясь вызвать нареканий цензуры. (Этого приема нельзя забывать, разбирая произведения авторов советской эпохи. Когда после публикации "Братской ГЭС" в журнале "Юность" в 1965 году, ее выдвинули на соискание Ленинской премии, на Пленуме ЦК КПСС состоялось обсуждение поэмы, и было сделано около 400 (!) исправлений и купюр.)

Определить жанр поэмы достаточно сложно, потому что она представляет собой как бы "соединение несоединимого", это и рассказы в стихах, и путевые зарисовки, любовные картинки и исторические экскурсы, повести-исповеди и лирические-публицистические очерки, остающиеся все же созданиями в лирическом ключе. Но именно такая форма дает автору большую свободу выражения, не стесняет его своими рамками, позволяет сказать очень и очень многое. Дальнейшая судьба поэмы показала жизнеспособность такой формы: это многочисленные театральные инсценировки отдельных ее частей; чтение со сцены - как автором, так и профессиональными и самодеятельными артистами, многочисленные радиопостановки и постановки на телевидении; и, наконец, ее музыкальное воплощение - в 1965 году Дмитрий Шостакович пишет симфоническую поэму "Казнь Степана Разина" для солиста, хора и симфонического оркестра, а знаменитая ленинградская труппа "Хореографические миниатюры" им. Л.Якобсона ставит по поэме Шостаковича балет (1977).

Поэма начинается вступлением, имеющим название "Молитва перед поэмой". В 1964 году само понятие "молитва" в Советском Союзе, стране воинствующего атеизма звучало неким вызовом, воспринималось как "антисоветское". Можно напомнить, что даже "Детский альбом" П.И.Чайковского издавался с исправленными названиями двух произведений: вместо "Утренняя молитва" писалось "Утренняя размышления", а вместо "Хорал" - "Хор"(!).

В "Пиркей авот" ("Поучение отцов", один из трактатов Талмуда) приводятся высказывания мудрецов разных времен религиозного и этического содержания. Например: Шимон-праведник был последним из [ученых] Великого собрания. Он часто повторял: "На трех основах стоит мир [на изучении] Торы, на служении Б-гу и на добрых делах". Или: Шмая говорил: "Люби труд, и пусть будет ненавистно тебе властвовать над людьми, и не становись приближенным к властям". Многие из этих мудрецов остались в памяти благодаря одному-двум своим высказываниям. А ведь каждый из них прожил целую жизнь, за которую, конечно, говорил и написал не только эти фразы. Но именно этими фразами они себя обессмертили. Великий хореограф XX века Морис Бежар сказал, что если балетмейстер за всю свою жизнь сочинит хоть одно новое движение - он уже великий балетмейстер. (Как не вспомнить? "Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего

нового под солнцем". Екклесиаст, 1:9). Фраза Евтушенко "Поэт в России - больше чем поэт" стала именно такой, бессмертной фразой, фразой-символом. Как только ее не переинтерпретировали! Но именно это и есть подтверждение ее бессмертия, фразой на все времена. Любый художник может только надеяться на то, что ему удастся создать нечто подобное.

"Поэт в России - больше чем поэт", - первые слова поэмы "Братская ГЭС". И Евтушенко, бесспорно, прав. В стране, граждане которой лишены свободы, свободного волеизъявления, литература и искусство играют особую роль. Художник воспринимается как пророк, если ему удается высказать то современное, что не в состоянии произнести или о чем не может даже подумать, рядовой и не только рядовой ее гражданин. Для людей, живущих в этой удушающей атмосфере, именно художник становится последней надеждой на утверждение человеческого достоинства. И эту миссию взял на себя Евгений Евтушенко в поэзии, как Дмитрий Шостакович - в музыке. Дмитрий Дмитриевич говорил: "Где вы поставите могильные памятники Мейерхольду и Тухачевскому?.. Только музыке это по силам... Большинство из моих симфоний - это надгробные плиты".

У Евтушенко по всей поэме разбросаны фразы, которые стали афоризмами или, по крайней мере, выразителями эпохи: "Нахвтанность пророчеств не судит...", "Повверхностьность, ты хуже слепоты", "Сущность патриота - как заяц лапами стучать", "Надсмотр за душами важнее, чем над телами" и др. Многие употребляют эти выражения, даже не зная, откуда они взяты. Это - признание истинности поэты.

В главе "Казнь Стеньки Разина" есть такие слова:

"...Ладно,
плюйте,
плюйте,
плюйте -
все же радость задарма.
Вы всегда плюете,
люди,
в тех,
кто хочет вам добра".

Недаром эти слова привлекли внимание Д.Д.Шостаковича. Как тут не вспомнить, когда его коллеги, кто из страха, кто искренне, кто пользуясь случаем безнаказанно плюнуть в чистую душу, после окриков в газете "Правда" "Сумбур вместо музыки" и "Балетная фальшь" (1936), и Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) Об опере "Великая дружба" В. Мурадели (1948) дружно травили этого великого композитора-гражданина с оголенными нервами и большой совестью. А он сидел на этих "проработках" один, и вокруг него - пустота, так как боялись даже сесть в тот ряд, где сидел он. Какой позор для страны, которая оплевыкает своих лучших сынов! Может быть, поэтому у Евтушенко появились такие строки:

Не сотвори из родины кумира
Но и не рвись в поводьях.
Спасибо, что она тебя вскормила,
Но на коленях не благодари.
Она сама во многом виновата
И все мы вместе виноваты с ней
Обожествлять Россию пошловато
Но презирать ее еще пошлей.

Шостакович создал вокально-симфоническую поэму "Казнь Степана Разина". Любопытно, что он меняет в названии "Стеньку" на "Степана", очевидно, чтобы не "занижать" этот образ. Очевидно, для Шостаковича было важно, чтобы в самом названии уже было заложено уважительное отношение к герою, что этот герой не из народных песен о Стеньке. Сам жанр вокально-симфонической поэмы подразумевает обращение к "высоким" темам. Так же, как и в случае с "Бабьим Яром", tandem Евтушенко-Шостакович дал миру произведение, которое давно уже стало классическим и исполняется самими выдающимися исполнителями на самых престижных сценах. Основную мысль этого произведения можно лаконично выразить словами из самой поэмы:

Стоит все терпеть бесслезно,
быть на дыбе,
колесе,
если рано или поздно
прорастают
ЛИЦА
грозно
у безликих на лице...

Эта тема просветленного лица, излучающего свет, тема взгляда испепеляющей правды, проходит через все произведение, вызывая сопоставление с основным мотивом поэмы Евтушенко - лейт-мотивом света.

Начинается поэма музыкальным вступлением, темой, проходящей через все произведение, за которым солист начинает повествование в высокой тесситуре, звучащей очень напряженно:

Как во столярной Москве белокаменной
вор по улице бежит с булкой маковой.
Не страшит его сегодня самосуд.
Не до булок...

Стеньку Разина везут!

И этот рефрен "Стеньку Разина везут!", повторяющийся много раз, все набирает силу по мере того, как собирается на Красную площадь народ погладить на казнь. Здесь и вор, и царь, и купец, и срамные девки, и скоморохи, и старцы "с вервием на вые", и стрелцкие жены - все в предвкушении праздника, "радости задарма". Шостакович создает почти визуальную картину "собрания толпы", катящейся повозки, на которой везут Степана Разина, подключая женский хор, мужской хор, смешанный хор и нарастающая оркестровая звучность. Апофеозом этой "вахханалии" становится эпизод с хором глоссандо, заполняющим все звуковое пространство, звучащим разухабисто под стать толпе. Когда кажется, что больше звуков уже быть не может и весь этот звуковой поток стихает, переходит в "потустороннее" звучание, как происходит в кинематографе "размытие кадра", начинается монолог-раздумье Разина о прожитой жизни:

"Стенька, Стенька,
ты как ветка,
потерявшая листву.
Как в Москву хотел ты въехать!
Вот и въехал ты в Москву...
Ладно,
плюйте,
плюйте,
плюйте -
все же радость задарма.
Вы всегда плюете,
люди,
в тех,
кто хочет вам добра".

Перед его взором проходят картины прошлого и недавних пыток:

Дьяк мне бил с отяжкой в зубы,
приговаривал,
ретив:
"Супротив народа вздумал!
Будешь знать, как супротив!"

Здесь Шостакович использует жесткие оркестровые аккорды-удары, очень похожие на аккорды, которые он использовал в музыке к кинофильму "Молодая гвардия" (1947 - 48) в сцене смерти молодогвардейцев. Этот же прием используется Шостаковичем в его Восьмом квартете (1960), который он считал "эпитафией самому себе". Очевидно, этот мотив мук, пыток очень важен для Шостаковича, он "автобиографичен". Шостаковича не могло не поразить, как смог молодой Евтушенко так глубоко понять ту трагедию, которую испытало предыдущее поколение, выразить ее такими точными словами, как будто он был не только современником, очевидцем, но сам пережил все эти мучения и душевные терзания. Шостакович недаром написал поэму именно на этот текст, так как это были его, Шостаковича, слова, его муки, его трагедия.

Я держался,
глаз не прятал.
Кровью харкал я в ответ:
"Супротив боярства -
правда.
Супротив народа -
нет".

Шостакович в поэме повторяет слова

"Супротив боярства -
правда.
Супротив народа -
нет"

и подчеркивает еще три раза: "Нет! Нет! Нет!", чего нет в тексте у Евтушенко.

Невольно вспоминается его разговор с Эрнстом Неизвестным:

"Мы принадлежим людям, нашему народу, а не им... Мы служим... Мы служим... Это важнее..."

Дмитрий Цвибель

Продолжение в следующем номере.

О влиянии человека на космос

Пинхас Полонский

"...В день Суда на Рош ха-Шана решается, а в Йом-Кипур приговор утверждается: скольким отойти и скольким быть сотворенным, кому жить и кому умереть, кому благоденствие и кому мучения, кто возвысится и кто будет унижен, кому богатство и кому бедность... И про государство и страны решается в этот день: кому безмятежность, а кому тревога, кому покой, а кому разрушение..." (из молитвы на Йом-Кипур).

Маймонид разъясняет, что каждый из нас должен смотреть на себя не как на праведника и не как на злодея, но относить себя к среднему человеку, в балансе у которого вес грехов уравновешен весом заслуг, и поэтому считать, что любое дополнительное достойное дело склонит чашу весов в сторону заслуг; точно также каждое дополнительное отрицательное дело склонит чашу в сторону грехов. А потому каждый ответственен буквально за каждое свое действие - ведь именно оно дает перевес той или другой стороне.

Более того, - продолжает Маймонид, - не только твой личный баланс, но и баланс твоей страны зависит лично от тебя. Ведь "и про государства и про страны решается в этот день: кому безмятежность, а кому тревога, кому покой, а кому разрушение..." Следовательно, должно считать, что и у страны и государства в целом баланс грехов уравновешен балансом заслуг, и поэтому твоё, лично твоё единственное действие может изменить баланс страны "в сторону безмятежности или тревоги, по-

кой или разрушения..." А отсюда - лично на тебя возложена ответственность за судьбу страны, и лично от тебя зависит все её будущее.

Итак, Маймонид, обосновывая кардинально важное значение каждого действия, исходит из религиозно-мистических категорий. Такое осознание личной ответственности, имеющее основу в серьезной религиозной вере (т.е. глубокоом чувстве мировой справедливости), все же иногда представляется не слишком убедительным для людей, привыкших мыслить экономико-социологическими категориями 19-20 вв. Им кажется, что отдельный человек - это песчинка в огромном водовороте событий, а посему "что я один вообще значу?" и "разве один человек может что-то изменить?" Да вообще, "все направляется общественно-историческими законами, а роль личности в истории невелика, а уж тем более простого человека"... А раз я не могу повлиять на все в целом, то и ответственности на мне не так уж и много, и от сделанного мною мало что зависит.

Действительно, весь дух идеологии социально-экономических концепций 19-20 вв (и "мировой дух" Гегеля, и "экономические законы истории" Маркса, и теория эволюции Дарвина, и стремившиеся стереть отдельную личность фашизм и коммунизм) толкали общественное сознание к тотальному принижению влияния отдельной личности на судьбу многомиллиардного человеческого роя. Однако тот же 20 век был отмечен одним очень важным изобретением, которое должно настроить нас на совершенно иной образ мыслей относительно роли человека в истории. Изобретение это - всем нам хорошо известный компьютер.

Если мы тысячу раз бросаем кубик, то получившийся результат заранее предопределен, он зависит от формы кубика, распределения веса и его начальной скорости. Более того, результат отдельного бросания, даже если бы оно обладало "самосознанием" и мечтало бы повлиять на общий резуль-

тат, почти никак не отразится на суммарном итоге. Совсем иной характер имеет функционирование компьютера: каждый отдельный импульс, если отклонится от курса, может изменить результат работы данной команды, потом и целого блока, а за ним и всего компьютера.

Принципиальная разница между бросаниями кубика и работой компьютера заключающаяся в системе влияния одного элемента на целое, объясняется тем, что для кубика каждое бросание является отдельным, независимым от других, оно не связано с ними - и посему от одного его бросания конечный результат почти не зависит. В компьютере же все импульсы взаимосвязаны, а потому каждый из них может кардинально воздействовать на всю систему в целом.

Итак, ответ на вопрос о том, может ли один человек повлиять на свой город, на свою страну, на все человечество - или же, наоборот, влияние его пренебрежимо мало - зависит от того, рассматриваем ли мы народ как "кучу людей", подобную куче песка, как атомарное общество; или же, напротив, считаем его глубоко связанной структурой, национальным организмом - и тогда каждый из нас лично ответственен за все.

В свете Рош ха-Шана и приближающегося Йом Кипура, пример компьютера особенно должен научить тому, что от дел каждого из нас зависит развитие всего окружающего мира.

Каждый из нас ответственен не только за себя и свою семью, но и за весь еврейский народ, за судьбу страны, за все человечество в целом. И нам следует постепенно избавляться от самоуничижительного представления о самих себе, и о нашем незначительном влиянии на мир.

А посему, в качестве одного из первых шагов по активизации процессов исправления и повышению уровня ответственности пусть человек возьмет себе за правило, просыпаясь утром, говорить: "Государство - это я".

לְשָׁנָה טוֹבָה תִּפְתָּבוּ וְתִתְחַמְּוּ לְאַתֶּר לְחַיִּים טוֹבִים!

(На новый год да будешь ты записан/а и запись эта да будет скреплена печатью немедленно – на добрую жизнь!)

Чаша кукня

"Пракес" (голубцы мясные)

Капуста 500 г, отварное мясо 200 г, рис 0,33 стакана, яйцо 0,5 шт., лук репчатый 1 шт., жир топленый 2 ст. ложки, томатное пюре 30% 1 ст. ложка, сахар 2 ст. ложки, мясной бульон 1,5 стакана, медовый пряник 1 шт., сухари из ржаного хлеба 2 ст. ложки, лимонная кислота, соль, перец.

Освобожденную от верхних загрязненных листьев и кочерыжки капусту бланшируют в подсоленной кипящей воде (4-5 минут). Отбирают целые большие листья, у которых стебли отбивают тылкой. Мясо отваривают, а бульон процеживают. Отварное мясо пропускают через мясорубку, добавляют отварной рассыпчатый рис, пассированный лук, соль, перец, отварные вкрутую яйца и все тщательно перемешивают. На подготовленные капустные листья кладут фарш и заворачивают, придавая форму конвертика. Отдельно готовят соус. Для этого протертые сухари и пряник разводят процеженным горячим бульоном, добавляют томатную пасту, лимонную кислоту, перец, сахар и варят 10 минут. Голубцы кладут в кастрюлю, заливают соусом так, чтобы они были покрыты, закрывают крышкой и тушат 30-40 минут. Перед подачей голубцы поливают соусом. Для тех, кто не любит томатный соус, можно вместо томатной пасты и сахара положить мед и изюм.

"Варнички" с печенкой

Мука тиеничная 1,25 стакана, яйцо 1 шт., печень 300 г, лук репчатый 1 шт., жир куринный (хуринный) 1,5 ст. ложки, соль.

В муке делают воронкообразное углубление, в которое кладут яйца и воду, и быстро замешивают тесто до исчезновения комков. Тесто тонко раскатывают и нарезают мелкими квадратиками, которые отваривают в подсоленной воде и откидывают на сито. Затем перекладывают в блюдо, добавляют пассированный лук, протертую на терке отварную печень и все хорошо перемешивают.

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

ВЕЛИЧАЙШАЯ ПОЭМА ВСЕХ
ВРЕМЕН - ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ.

И.Гердер

ХЭСЭД АГАМИМ
ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

БИР

Нину Владимировну
КОЗЛОВУ
Валентину Ивановну
РАДОМЫСЛЬСКУЮ
Юлию Ильиничну
СВЕТНУЮ
Анну Васильевну
ЗЛАТОПОЛЬСКОГО
Михаила Аркадьевича
СУХАНОВА
Юрия Александровича

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Издатель: Петрозаводская
еврейская религиозная община
185035 г. Петрозаводск, а/я 360,
тел. (814-2) 78-39-38 e-mail: talit@karelia.ru

Редактор:
Дмитрий Цвибель

Компьютерный набор, верстка и офсетная печать выполнены фирмой
"Принт", 185001, Петрозаводск, пр. Первомайский, 1,
тел. 78-20-18, факс 78-12-26

Тираж 300 экз.